

© 2019 г.

С.Я. СУЩИЙ

ПОТЕРИ РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ХОДЕ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (1999–2012): СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

СУЩИЙ Сергей Яковлевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник ФИЦ Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия (SS7707@mail.ru).

Аннотация. В статье исследуется количественная, пространственная, расселенческая динамика, а также кадровая и национальная структура безвозвратных потерь российской армии, понесенных в ходе контртеррористической деятельности на Северном Кавказе (август 1999–2012 гг.). В качестве эмпирической базы исследования был использован полный биографический справочник погибших военнослужащих (более 3720 человек). Соотношение масштабов потерь, динамика их российской географии и доли в общих потерях российских силовиков позволяет выделить в эволюции контртеррористической деятельности России на Северном Кавказе три основных периода: общевоинской армейской операции (1999–2000/2001 гг.), комплексной контртеррористической деятельности (2000/2001–2005/2006 гг.), совокупности локальных КТО (с 2006/07 гг.). Непосредственно в пространственном распределении армейских потерь по территории России также достаточно отчетливо фиксируются три этапа – федеральный, южнороссийский, северокавказский.

Ключевые слова: контртеррористическая деятельность • армейские потери • Северный Кавказ • российские регионы

DOI: 10.31857/S013216250004584-5

Военно-социологические разработки и постановка исследовательской задачи.

История отечественной военной социологии, восходящая к разработкам российских ученых рубежа – начала XX в. [Образцов и др., 1997], получила в постсоветский период новый толчок к развитию. Снятие идеологических ограничений и возможность полноценного подключения к мировой социологической мысли положительно сказались на изучении самых различных аспектов данной широкой проблемной области. Дополнительный толчок к развитию военно-социологических исследований дали множественные вооруженные конфликты, вспыхнувшие на постсоветском пространстве, и первая военная кампания по ликвидации сепаратистского режима на территории Чеченской республики (1994–1996).

Не остались без внимания социологов и последствия крупнейших вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве – двух кампаний по ликвидации сепаратистского режима Ичкерии, вторая из которых в дальнейшем трансформировалась в растянувшуюся на многие годы контртеррористическую деятельность, связанную с нейтрализацией

религиозного исламистского подполья Северного Кавказа. Обеим кампаниям посвящена обширная социологическая литература. Многие исследователи обращались к анализу демографических последствий данных вооруженных конфликтов, расчету количественных потерь, понесенных противоборствующими сторонами и гражданским населением [Мукомель, 1999; Россия и СССР..., 2001; Максудов, 2010].

Вместе с тем ряд аспектов этой проблематики остается малоизученным. К их числу относится социально-демографический анализ потерь российской армии, понесенных ею в ходе ликвидации сепаратистско-террористического режима Ичкерии (1999–2000) и последующей борьбы с северокавказским радикалистским подпольем. Помимо самостоятельного интереса данный тематический блок имеет большое значение для понимания процесса комплексного урегулирования ситуации на Северном Кавказе.

С началом второй кампании стратегической задачей федерального центра в Чечне становится привлечение на свою сторону всех общественных сил и групп населения республики, уставшего от многолетнего социального хаоса. Решение этой задачи позволило бы избежать системных ошибок первой кампании, когда этносепаратистам удалось консолидировать значительную часть чеченского общества на антироссийской платформе под лозунгом сопротивления внешнему агрессору.

Комплексный социально-демографический анализ потерь российской армии позволяет детально, в пространственно-временном континууме представить трансформацию масштабной военной кампании в локальную КТО; темпоритм последовательного перехода ее с федерального на макрорегиональный, а затем и республиканский уровни. Причем представить взаимосвязано в нескольких ракурсах (количественном, географическом, ведомственном, этнонациональном), позволяющих составить комплексную периодизацию данного процесса. Изучение данных содержательных аспектов КТО может выявить и ряд особенностей функционирования самой российской армии.

Одно из основных препятствий при изучении обозначенного проблемного блока – закрытый характер информации, связанной с армейскими потерями. Преодолеть данную сложность помогают материалы «Книги памяти», включившей информацию более чем о 3,7 тысячах военнослужащих Вооруженных сил России, погибших и умерших от ран, а также пропавших без вести в ходе проведения КТО на территории Северного Кавказа с августа 1999 по декабрь 2012 года [Книга памяти..., 2014].

Информация данного биографического издания позволяет установить динамику потерь военнослужащих (сержантского и рядового состава, различных категорий офицеров) по отдельным годам анализируемого периода, географию потерь по российским регионам и странам ближнего зарубежья (также во временном разрезе), по форме расселения (региональные столицы, города, ПГТ и районные административные центры, сельская местность), по принадлежности к крупным этнонациональным группам (восточные славяне, народы Поволжья, Северного Кавказа, юга Сибири).

Некоторые военнослужащие меняли местожительство (иногда неоднократно). Это могло происходить в детстве (в составе семьи) и позже, при выборе учебного заведения или во взрослой жизни. Проблемы с определением региональной «принадлежности» чаще возникали с офицерами, часть которых по роду профессиональной деятельности не раз меняла место службы. В такой ситуации наиболее корректным представлялась территориальная привязка всех погибших к месту их захоронения. Для сержантского и рядового состава данное место в самом значительном числе случаев совпадало с центром (городом, поселком, деревней) их рождения и школьной учебы; для офицеров – с местом проживания их семьи и/или родственников, что в большинстве случаев также совпадало с центром/регионом, уроженцем которого они являлись или в котором проживали перед своим участием в КТО на Северном Кавказе.

Для определения национальности анализируемого множества военнослужащих использовалась методика, апробированная на кавказском этнокультурном массиве Юга России [Суций, 2017]. В основе данной методики лежит сопряженный анализ трех именных

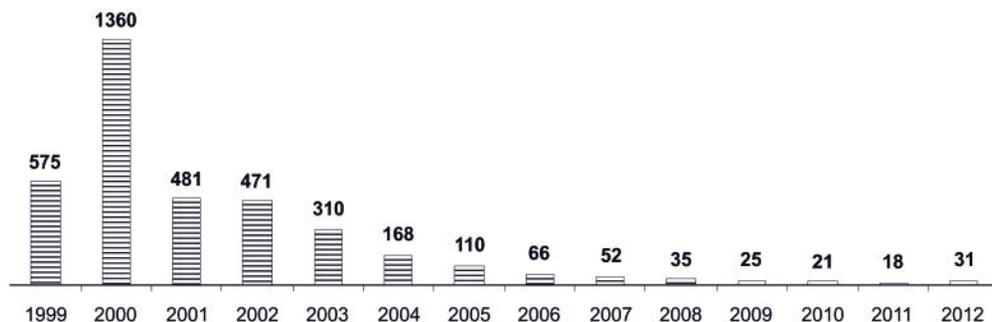

Рис. 1. Динамика потерь военнослужащих Министерства обороны РФ (МО) в ходе КТО на Северном Кавказе, 1999–2012 гг.

Источник: здесь и далее расчеты автора.

персональных данных (фамилии, имени, отчества), а также фенотипических особенностей военнослужащих, доступных благодаря наличию в справочнике фотографий погибших. Кроме того, для уточнения этнической принадлежности военнослужащих в некоторых случаях представлялось возможным использовать регион призыва на службу.

Основные характеристики и общая динамика армейских потерь. Из учетных «Книгой памяти...» российских военнослужащих (3723 чел.) около 3/4 погибло в первые 3,5 года проведения КТО (август 1999–2002 гг.) (рис. 1). Максимального ожесточения боевые действия достигали в первые полтора года: в 1999 г. среднемесячные потери российской армии составляли по 115 чел., в 2000 – 113. Вместе с тем даже в этот период они оказались почти в 1,5 раза ниже, чем в первую Чеченскую кампанию (1994–1996), когда армия ежемесячно теряла более 170 военнослужащих. Данное обстоятельство указывало на лучшую подготовленность армии к участию во второй кампании, хотя сам масштаб потерь свидетельствовал об ожесточенном характере вооруженного противостояния¹. В 2001–2002 гг. среднемесячные потери сокращаются до 39–40 чел. и продолжают поступательно снижаться в дальнейшем (до уровня 1,5–2,5 чел. в начале 2010-х гг.).

В гендерном разрезе практически все потери армии пришлось на мужчин. За весь 13-летний период КТО на Северном Кавказе погибло только 16 женщин (0,43% от общего числа)². Доля женщин среди военнослужащих и гражданского персонала в российской армии была на порядок выше. Однако в частях, стянутых в зону боевых действий, на которые приходились основные потери, их удельный вес был существенно меньше и мог соответствовать доле женщин в общих потерях.

Устойчивым в первые годы проведения КТО было и соотношение потерь офицеров и остального состава (рядовых, сержантов, прапорщиков) армейской группировки. В 1999–2003 гг. офицеры составляли 14,6–17,6% погибших военнослужащих, что соответствовало показателю первой Чеченской кампании (14,9%) и было чуть выше уровня Афганской войны (14%). С середины 2000-х гг. данный показатель стал варьировать в более широком диапазоне (от 0 до 28%), в зависимости от соотношения множества факторов (постепенный отказ от привлечения к КТО военнослужащих срочной службы и повышение доли контрактников; изменение удельного веса в армейской группировке воинских частей, сформированных из представителей северокавказских народов и т.д.).

¹ Они были чуть меньше, чем в период Афганской войны, в течение которой советская армия теряла убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести ежемесячно порядка 130 чел. [Россия и СССР..., 2001: 539].

² Что было несколько выше показателя Афганской войны, в течение которой на женщин пришлось 0,34% безвозвратных потерь советской армии.

Таблица 1

**Безвозвратные потери офицерского корпуса российской армии в ходе КТО
на Северном Кавказе, 1999–2012 гг. (чел., %)**

Годы	Мл. лейтенанты и лейтенанты	Старшие лейтенанты	Капитаны	Майоры	Подполковники	Полковники	Генералы	Всего	Доля (%) от общего числа погибших:	
									офицеров	в этом году военнослужащих
1999	31	19	17	13	8	2		90	15,5	15,6
2000	54	62	28	35	11	7	2*	199	34,3	14,6
2001	11	18	16	15	10	12	3*	85	14,6	17,6
2002	8	25	18	14	13	4		82	14,1	17,4
2003	5	15	11	7	6	4		48	8,3	15,5
2004	7	3	6	2		2		20	3,4	11,9
2005	1	2	6	4		1		14	2,4	12,7
2006	2	2	1	4	1	2	2**	14	2,4	21,2
2007	2	1	1		4			8	1,4	15,4
2008		1			1			2	0,3	5,7
2009	2	3		2				7	1,2	28,0
2010					4			4	0,7	19,0
2011								–		
2012	1	2	2	1	2			8	1,4	25,8
Всего	124	153	106	97	60	34	7	581	100,0	15,6
Доля, %	21,3	26,3	18,2	16,7	10,3	5,9	1,2	100		

Примечание. *Генерал-майоры; **генерал-лейтенанты.

В составе офицерского корпуса максимальные потери нес наиболее многочисленный младший командный состав, на который приходилось около 2/3 всех погибших офицеров. Самым «уязвимым» являлось звание старшего лейтенанта (153 чел.). Число погибших лейтенантов и капитанов было сопоставимо (соответственно 119 и 106 человек).

На более высоких ступенках армейской кадровой лестницы правило «выше звание – меньше потери» не нарушалось за весь анализируемый период КТО. Однако в отдельные годы соотношение погибших офицеров разного звания могло быть самым различным. Особенно во второй половине 2000-х гг., когда ежегодные потери офицерского корпуса не превышали 7–8 чел. В первой половине – середине 2000-х гг. нес потери в регионе и высший командный состав армейской группировки. В 2000–2006 гг. погибло 7 генералов, пять из которых ушли из жизни в 2000–2001 гг.³ (табл. 1).

Безвозвратные потери в регионе несли не только армия, но и другие силовые ведомства России. Причем соотношение потерь различных силовых структур – один из важных индикаторов стадии КТО, процесса ее системной трансформации. На этапе военных действий, связанном с ликвидацией боевого потенциала Ичкерии (1999–2001) на воинские части и подразделения Министерства обороны РФ приходилась подавляющая доля потерь. По мере

³ Оговорим, что смерть трех из них не была напрямую обусловлена боевыми действиями. Один умер от инфаркта на командном пункте во время боя (2001), два погибли при крушении вертолета, разбившегося в условиях плохой видимости (2006). Но показательно, что в первой кампании 1994–1996 гг. армейская группировка вообще обошлась без потерь в составе своего высшего командного звена.

перехода общевойсковой операции в деятельность по нейтрализации радикалистского религиозного подполья удельный вес армейских потерь сокращался при параллельном росте погибших представителей других силовых ведомств, прежде всего МВД (федерального и республиканского уровня). В 2003–2006 гг. на армию приходится 45–60% погибших силовиков, а на рубеже 2010-х гг. уже только 5–6% (рис. 2), тогда как доля представителей МВД вырастает до 50–60%. Тем самым, с данного ракурса в КТО можно выделить три крупных этапа, условно обозначаемые как армейский, смешанный и «милицейский».

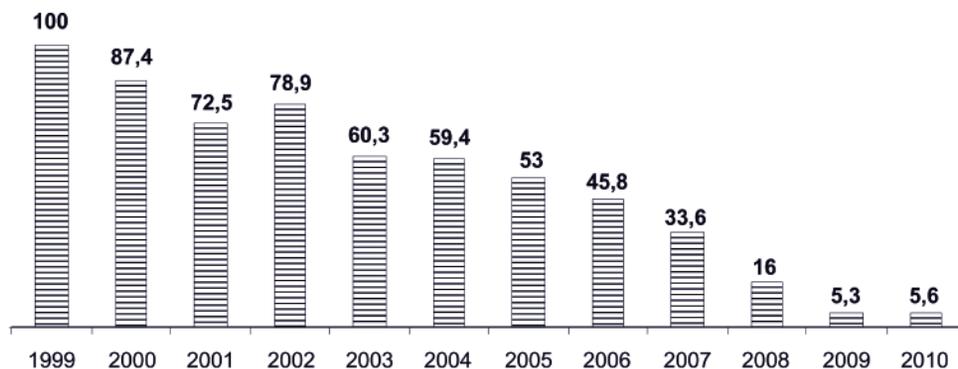

Рис. 2. Доля военнослужащих МО в общих потерях сотрудников силовых ведомств РФ на Северном Кавказе (%)

Источник: расчеты автора и данные: [Матишов, 2011].

Пространственная структура. Российская география потерь армии свидетельствует о том, что ликвидация антиконституционного ичкерийского режима была операцией федерального масштаба. В 1999 г. в Чечне погибли представители 72 российских регионов, в 2000 г. – 78. Столь же широкой география потерь оставалась и в последующие два года, начав сокращаться только с 2003 году. Перелом пришелся на середину 2000-х гг. – если в 2005 г. на Северном Кавказе погибли военнослужащие из 46 регионов, то в 2006 г. только из 24 (рис. 3).

В начале 2000-х гг. максимальные потери приходятся на военнослужащих из числа жителей Центрального и Приволжского федеральных округов (19–25% и 21–25% соответственно), а во второй половине данного десятилетия на первые позиции выдвигаются ЮФО и СКФО, на которые в 2006–2007 гг. приходится 33–34% и 40–42% всех погибших военнослужащих, а в начале 2010-х гг. соответственно 10–11% и 67–68% (табл. 2).

Тем самым, курс федерального центра на последовательную «регионализацию» конфликта, локализация его в пределах юга страны оказался успешным, позволяя выделить в данном пространственном сжатии три этапа – общероссийский, южнороссийский, северокавказский. На первом (1999 – середина 2000-х гг.) потери несут военнослужащие практически со всей России, причем эти потери по большей части коррелируют с размером населения макрорегионов страны. На втором (2007–2010) – основная масса погибших приходится на военнослужащих двух федеральных округов южного макрорегиона – ЮФО и СКФО. На третьем этапе (с начала 2010-х гг.) происходит дальнейшее сжатие пространственного формата привлечения армейских подразделений к участию в КТО. И значительная доля потерь приходится на военнослужащих Северного Кавказа, прежде всего, республик, в пределах которых проводились наиболее активные контртеррористические мероприятия (Чечня и Дагестан).

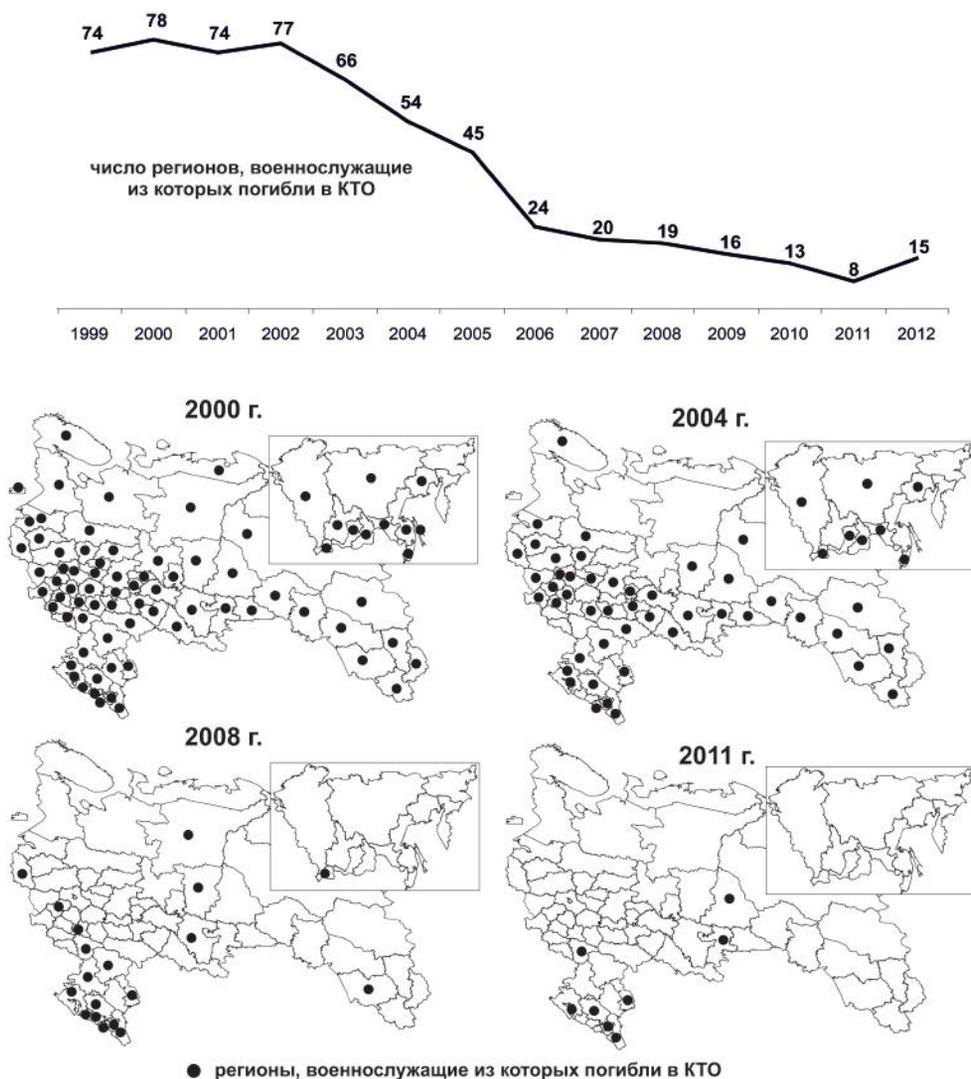

Рис. 3. Динамика географии потерь армии в период КТО

Регионы и города. Интерес представляет распределение потерь по отдельным городам и субъектам РФ. Следует отметить: общая география армейских потерь не была ограничена Россией. Среди погибших 40 человек представляют ближнее зарубежье: Украину (в состав которой в то время входил Крымский полуостров), Белоруссию и Казахстан. С ближним зарубежьем были связаны судьбы куда большего числа российских военнослужащих, отмеченных в анализируемом справочнике. Но после распада СССР значительное число советских офицеров из бывших союзных республик перебралось в Россию. Переезжали на ПМЖ и семьи, из которых в дальнейшем были призваны на срочную службу военнослужащие, погибшие на Северном Кавказе. Но речь в данном случае идет только о военнослужащих, чьи семьи остались в ближнем зарубежье, где и были похоронены погибшие в КТО. Почти 2/3 из представителей этой группы ближнего зарубежья были связаны с Украиной. Причем география их оказалась самой широкой. Помимо Крыма (6 человек), на Северном Кавказе погибли представители еще 11 украинских областей,

Таблица 2

Потери военнослужащих по федеральным округам России (чел., %)

Территории	1999–2000	2001–2002	2003–2004	2005–2006	2007–2008	2009–2010	2011–2012	1999–2012
Погибшие (чел.)								
Центральный	483	171	72	24	6	5	5	768
Северо-Западный	220	71	22	5	3	1	0	322
Южный	216	133	55	23	20	10	5	470
Северо-Кавказский	132	113	108	55	36	20	33	497
Приволжский	439	211	97	36	9	1	2	795
Уральский	194	99	31	11		4	3	342
Сибирский	205	111	77	16	4	5		418
Дальневосточный	24	28	12	5	1		1	71
Ближнее зарубежье	22	15	4	1				42
Всего	1935	952	478	176	87	46	49	3723
Удельный вес (%)								
Центральный	25,0	18,0	15,1	13,6	6,8	11,1	10,2	20,6
Северо-Западный	11,4	7,5	4,6	2,8	3,4	2,2		8,6
Южный	11,2	14,0	11,5	13,1	33,0	20,0	10,2	12,6
Северо-Кавказский	6,8	11,9	22,6	31,3	40,9	44,4	67,3	13,3
Приволжский	22,7	22,1	20,3	20,5	10,2	2,2	4,1	21,4
Уральский	10,0	10,4	6,5	6,3		8,9	6,1	9,1
Сибирский	10,6	11,6	16,1	9,1	4,5	11,1		11,2
Дальневосточный	1,2	2,9	2,5	2,8	1,1		2,0	1,9
Ближнее зарубежье	1,1	1,6	0,8	0,6				1,1

относившихся ко всем субрегионам страны, а не только к ее русскоязычному поясу, на который пришлось 2/3 всех погибших⁴.

Военнослужащие из Белоруссии также были выходцами из различных ее региональных центров и сельских территорий (Гродно, Брест, Минская и Могилевская области). Из регионов Казахстана были представлены в основном северные области (Кустанайская, Кокчетавская), входившие в «русский» пояс страны.

Существенно различались масштабы армейских потерь и по отдельным российским регионам (городам). Из представителей различных городских центров в абсолютном выражении максимальные потери понесли военнослужащие-москвичи (67 чел.). Далее располагались С.-Петербург (35 чел.), Псков (27 чел.) и Ростов (28 чел.). Еще более десятка центров разных макрорегионов страны потеряли на Северном Кавказе 14–21 своих представителей⁵. Потери большинства остальных областных центров и других крупных городов России находились в диапазоне 4–10 чел.⁶

Среди российских регионов первую позицию занимала Чеченская республика (более 220 погибших), что отражало курс на трансформацию КТО федерального масштаба

⁴ Среди них четыре человека представляли Житомирскую область; Киевскую и Харьковскую (по три), Днепропетровскую и Сумскую (по два человека); Донецкую, Луганскую, Ивано-Франковскую, Кировоградскую, Полтавскую, Ровенскую (по одному).

⁵ 18–21 – Нижний Новгород, Челябинск, Новосибирск, Астрахань, Волгоград, Челябинск, Ярославль; 14–16 – Воронеж, Екатеринбург, Рязань, Омск.

⁶ 11–13 – Краснодар, Казань, Пермь, Самара, Саратов, Ставрополь; 8–10 – Армавир, Белгород, Владикавказ, Волгодонск, Волжский, Кемерово, Курск, Липецк, Оренбург, Орск, Тольятти, Тюмень, Шахты, Уфа; 6–7 – Архангельск, Грозный, Йошкар-Ола, Калининград, Калуга, Киров, Кызыл, Майкоп, Махачкала, Набережные Челны, Невинномысск, Новороссийск, Новошахтинск, Томск, Тула.

в преимущественно внутреннее противоборство между республиканскими силовиками и этносепаратистами (а впоследствии – и религиозными радикалами). Показательно: потери военнослужащих Чечни, от минимальных в 1999 г. (2 чел.), несколько увеличились в 2000 г. и продолжали расти в последующие годы, достигнув пиковых значений в середине 2000-х гг. (между тем динамика армейских потерь в остальных регионах России была противоположной). Это явное свидетельство постепенного замыкания контура вооруженного противоборства рамками самого республиканского социума.

В пределах 140–155 чел. потеряли военнослужащие каждого из трех крупнейших регионов юга России – Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев. Далее располагались крупные регионы Урала – Свердловская и Челябинская область, Башкирия (109–112 чел.). Еще шесть регионов потеряли 75–97 военнослужащих (рис. 4).

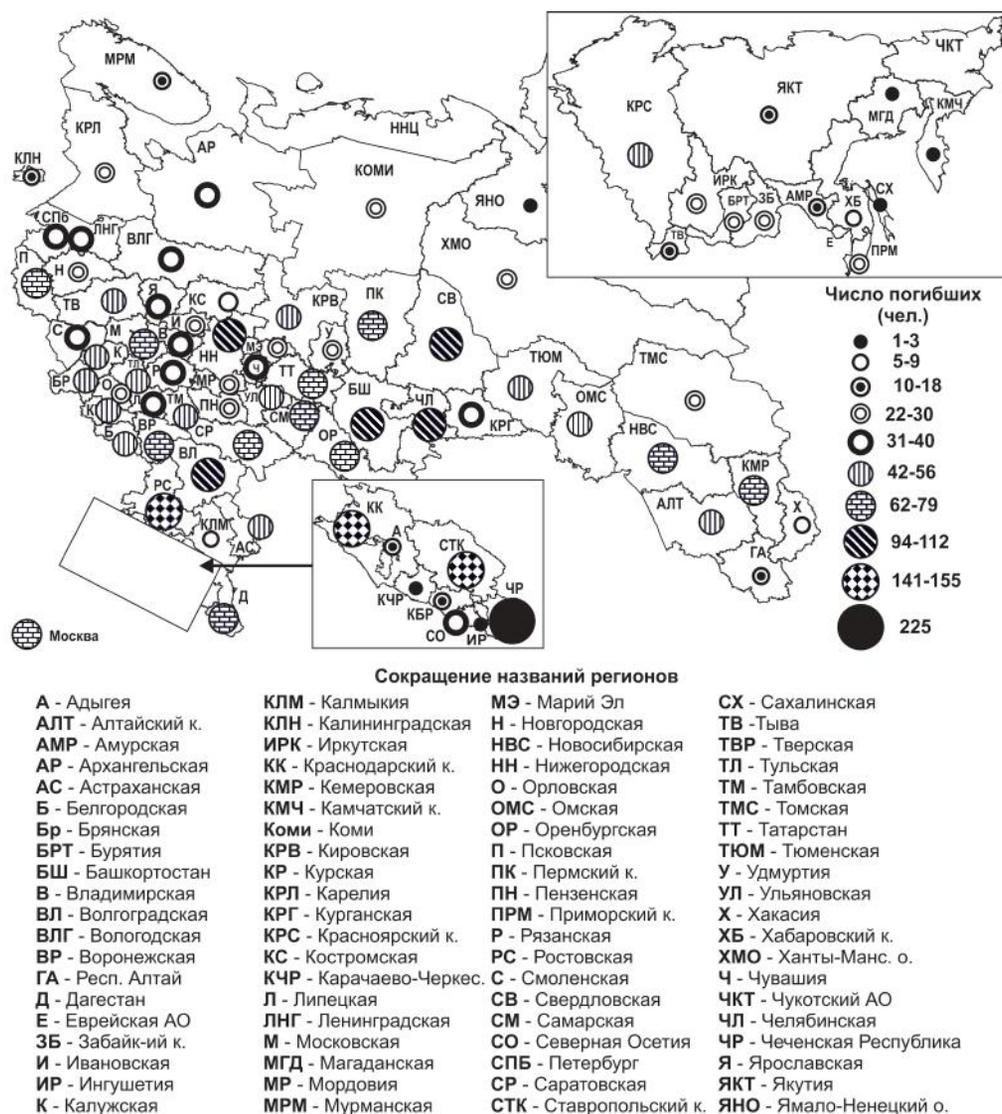

Рис. 4. Число погибших военнослужащих по регионам России (чел.)

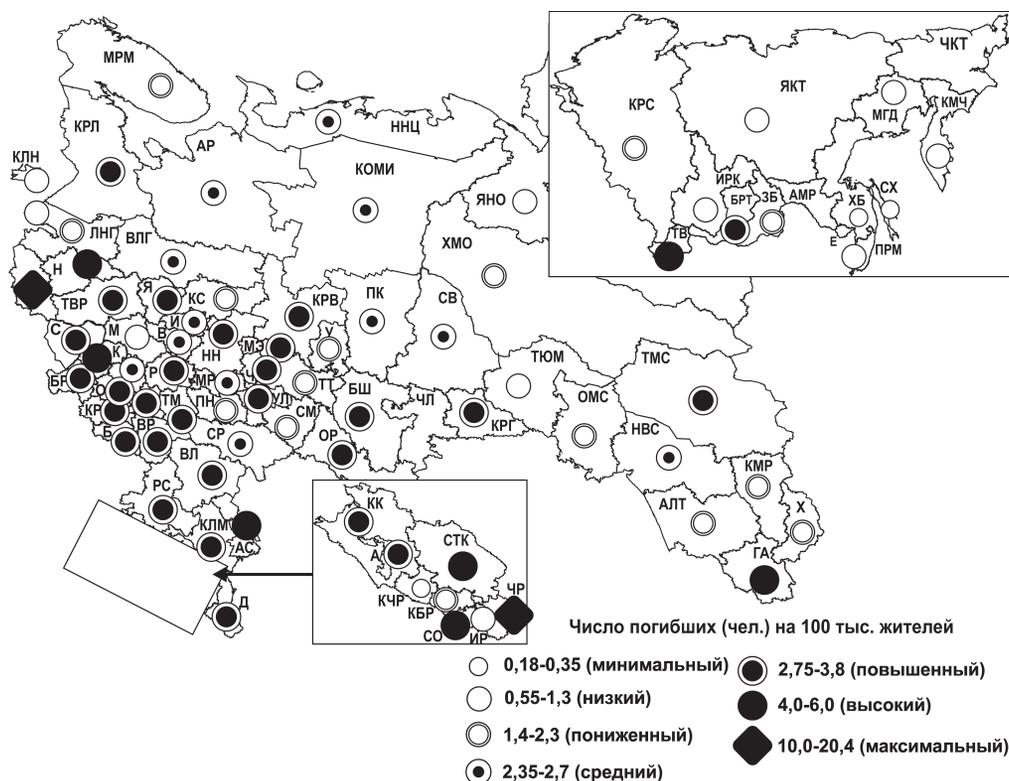

Рис. 5. Удельные потери военнослужащих по российским регионам

Учитывая существенные различия в численности населения отдельных центров и территорий, при сравнительном анализе более корректным представляется оценивать не абсолютные, а относительные потери. По этому показателю среди региональных столиц (и в целом, крупных городов РФ) на первой позиции располагался Псков – 13,8 погибших на 100 тыс. жителей. Свою роль сыграли значительные потери Псковской воздушно-десантной дивизии⁷, в которой было много уроженцев регионального центра и остальной области.

В десятке наиболее пострадавших российских центров по удельному показателю оказались несколько республиканских столиц, представлявших не только Северный Кавказ (Грозный, Владикавказ, Майкоп), но и другие макрорегионы России, в том числе Горно-Алтайск, Кызыл, Нарьян-Мар, что отчасти было связано с небольшими размерами данных центров⁸. Москва и С.-Петербург, занимавшие первые места по размерам общих потерь, оказались в группе наименее пострадавших региональных центров (0,65–0,75 чел./100 тыс. жителей).

Среди регионов максимальный удельный показатель потерь (20,4 чел.) пришелся на Чеченскую республику. Далее располагались Псковская область (10,0) и две небольших южносибирских национальных автономии – Горный Алтай и Тыва (5,9 чел.). Показатель более 5 чел./100 тыс. жителей имели также Астраханская область и Ставропольский край, более 4 чел. – еще три региона (Северная Осетия, Новгородская и Калужская области) (рис. 5).

⁷ Прежде всего, здесь следует отметить бой 29 февраля – 1 марта 2000 г., когда обороняя высоту 776, почти в полном составе погибла рота десантников.

⁸ К примеру, один погибший военнослужащий из Нарьян-Мара (19 тыс. жителей) позволил столице Ненецкого автономного округа попасть в первую десятку «столичных» центров России по данному показателю.

Данный перечень свидетельствует, что масштабы абсолютных и относительных потерь далеко не линейно коррелировали с расстоянием между регионами и Северным Кавказом (местом проведения КТО). Но определенная взаимосвязь между этими показателями, безусловно, имела. Причем с течением времени она становилась все более ощутимой.

Обращает на себя внимание низкий относительный показатель потерь военнослужащих из Московской области (1,01 чел./100 тыс. жителей), почти минимальный среди всех регионов России. С учетом еще более низкого показателя Москвы речь может идти об определенной тактике МО, ориентированной на минимизацию участия в боевых действиях в Чечне призывников из столицы и Подмосковья. Потери среди столичного населения могли иметь повышенный негативный общественный резонанс, которого армейское руководство старалось избежать.

Но нельзя отрицать и возможного влияния других причин, в том числе пониженного (в удельном разрезе) призыва в армию столичной молодежи или больших возможностей московских семей, старавшихся не допустить отправки своих сыновей на Северный Кавказ. Очевидно, что все эти причины ограниченного размера потерь московских военнослужащих, пускай в меньшей степени, были характерны и для второй российской столицы.

Расселенческие аспекты. Помимо существенных меж- и макрорегиональных различий, анализ обнаружил и серьезные различия в масштабах армейских потерь в разрезе отдельных форм расселения (были изучены региональные столицы, остальные города и сельская местность). Исследование зафиксировало очевидный количественный перевес погибших военнослужащих, связанных с сельской местностью, на нее пришлось 52,7% всех потерь российской армии (при удельном весе поселян среди жителей страны – 26,7%). На административные центры регионов пришлось 18,2% погибших, при доле в населении в 35,6%. Как результат, удельные потери сельского населения в КТО были почти в четыре раза больше, чем у жителей столичных центров (5,01 и 1,29 чел./100 тыс. жителей соответственно). Показатель по остальному городскому населению занимал промежуточное положение (1,95 чел.), но располагался значительно ближе к уровню региональных центров (табл. 3).

Таблица 3

Потери военнослужащих по основным формам системы расселения России

Показатели	Россия в целом	Административные столицы	Остальные города	Сельская местность
Население (млн чел.)	145,16	51,66	54,76	38,73
Погибшие военнослужащие (чел.)	3680*	669	1070	1943
Число погибших на 100 тыс. чел.	2,54	1,29	1,95	5,01

Примечание. *Без учета представителей СНГ.

Обнаруженное удельное соотношение потерь по формам расселения фиксировалось не только на федеральном уровне, но и в подавляющем большинстве регионов России (рис. 6). Данная особенность, очевидно, связана с общим соотношением военнослужащих, представляющих различные уровни российской поселенческой сети. В первую очередь речь о сержантско-рядовом составе, на долю которого пришлась основная масса потерь военнослужащих.

По целому ряду причин, доля призванных на срочную службу из сельской местности в российской армии заметно превосходила удельный вес сельских жителей в общем населении страны. Сельская молодежь была в меньшей степени ориентирована на учебу в высшей школе и потому реже пользовалась соответствующими льготами и возможностями по освобождению от службы. Отношение к военной службе было тем хуже, чем

серьезней она меняла жизненные планы молодого человека [Смирнов 2009: 103]. Кроме того, в общественном сознании сельских россиян в большей степени сохранялось восприятие армии как своего рода «мужской» инициации, заключительной стадии социализации при переходе к самостоятельной взрослой жизни. И потому разнообразные практики «ускользания» от военной службы в сельской местности имели меньшее распространение. Отчасти это могло быть связано и с более широкими статусными и материальными возможностями горожан.

Кроме того, доля юношей, не призванных на срочную службу по медицинским показателям, в городах была выше, чем в сельской местности. Наконец, в целом более привлекательной для сельской молодежи, ограниченной в выборе материально привлекательной работы, была служба по контракту. Тем самым уровень представленности сельской молодежи среди рядовых, сержантов и прапорщиков в российской армии мог быть кратно выше, чем у городских юношей. Данное обстоятельство играло центральную роль и в том, что среди погибшего в КТО рядового состава уровень представленности сельских молодых людей оказался выше, чем городских, в 5,2 раза (соответственно 2,13 и 0,41) (табл. 4).

Существенно иной оказалась поселенческая структура погибших армейских офицеров, среди которых более 38% были связаны с административными центрами российских регионов, и примерно равное число с остальными городами и сельской местностью. Тем самым распределение потерь офицерского корпуса оказывалось приближенным к распределению по уровням поселенческой сети всего населения России.

Таблица 4

Погибшие военнослужащие по формам расселения

Показатели	Россия в целом	Административные столицы	Остальные города	Сельская местность
Форма расселения (%)				
Население России	100	35,6	37,7	26,7
Офицеры	100	38,4	31,1	30,5
Рядовые (сержанты, прапорщики)	100	14,5	28,7	56,8
Все военнослужащие	100	18,2	29,0	52,8
Уровень представленности (доля погибших/доля населения)				
Офицеры		1,08	0,82	1,14
Рядовые (сержанты, прапорщики)		0,41	0,76	2,13
Все военнослужащие		0,51	0,77	1,98

Учитывая, что основную часть потерь офицерского корпуса в КТО составили погибшие в 1999–2002 гг. лейтенанты и старшие лейтенанты (т.е. недавние выпускники военных учебных заведений), можно сделать вывод, что профессия кадрового военного в середине – второй половине 1990-х гг. оставалась одинаково востребованной во всех расселенческих группах российского общества, как у сельского населения, так и среди жителей средних (небольших) городов или региональных столиц. И даже если, в связи с системной деградацией российской армии и падением социального статуса и уровня материального обеспечения офицерского корпуса, общая привлекательность военной профессиональной карьеры снижалась [Янин, 1993], то происходило это достаточно равномерно у представителей всех основных форм расселения.

Этнонациональная структура. В этнонациональном разрезе основная доля погибших военнослужащих пришлась на восточных славян (более 80%). Причем в первые два года, связанные с максимальными потерями, этот показатель превышал 85%. Среди других

народов России наибольшую убыль понесли чеченцы – более 200 чел., а также представители народов Поволжья, Урала и Дагестана. Более 170 чел. в сумме потеряли татары и башкиры, до 70 военнослужащих погибло из числа народов Дагестана, около 50 – из представителей народов среднего и северного Поволжья (без татар и башкир) (табл. 5).

Таблица 5

Этнонациональная структура потерь российской армии на Северном Кавказе

Этнонациональная группа	1999–2000	2001–2002	2003–2004	2005–2006	2007–2008	2009–2010	2011–2012	Всего	
								1999–2012	%
Восточные славяне	1696	803	343	125	55	31	22	3075	82,6
Остальные национальности, в том числе:	239	149	135	51	32	15	27	648	17,4
чеченцы	17	51	69	34	19	7	11	208	5,59
народы Дагестана	27	8	8	4	5	4	13	69	1,85
остальные народы Сев. Кавказа	10	6	5	3	3	1	2	30	0,81
народы Поволжья и Урала	138	50	29	3	2	2		224	6,02
народы Сибири	8	8	9	4	1			30	0,81
калмыки и корейцы	9	5	3			1	1	19	0,51
казахи	5	5	5		1			16	0,43
народы Средней Азии	2	3	2		1			8	0,21
народы Закавказья	9	6	3					18	0,48
европейские народы	14	7	2	3				26	0,69

Сравнение удельного веса погибших военнослужащих разной национальности с долей последних в населении страны в большинстве случаев обнаруживает сближенность данных показателей. Среди исключений по понятным причинам находятся народы Северо-Восточного Кавказа и, прежде всего, чеченцы, на которых пришлось около 5% всех погибших в КТО (при доле среди россиян 0,93% по переписи 2002)⁹.

При этом национальная структура погибших военнослужащих менялась во времени, напрямую коррелируя с обозначенной общесистемной эволюцией КТО от военной кампании федерального масштаба к региональной контртеррористической работе, осуществляемой в значительной степени силами республиканских силовиков. По мере такого замыкания вооруженного противоборства контуром самих республиканских социумов доля восточных славян среди погибших солдат и офицеров с 85–86% (рубеж 2000-х гг.) сократилась до 35–55% в начале 2010-х гг., а большинство других народов России с середины 2000-х гг. вообще перестали нести армейские потери. При этом удельный вес представителей Северо-Восточного Кавказа за анализируемый период проведения КТО поднялся с 2,6–2,9 до 45–60% (рис. 7).

Выводы. Комплексное изучение армейских потерь подтвердило взаимоувязанную динамику основных параметров КТО на Северном Кавказе в процессе ее системного перехода от общевоинской операции федерального масштаба (с подключением армейских подразделений почти всех российских регионов) к сумме локальных силовых мероприятий, ограниченных отдельными населенными пунктами и осуществляемых преимущественно силами республиканских органов МВД при весьма ограниченном участии

⁹Причем результаты данной переписи по большинству народов Северного Кавказа, и в том числе чеченцам, были существенно завышены. С большой вероятностью численность российских чеченцев в начале XXI в. составляла 1050–1150 тыс. чел. (т.е. 0,72–0,8% от населения страны). Тем самым кратность их потерь по сравнению со средне-российским показателем была еще большей.

Рис. 7. Доля погибших военнослужащих, относящихся к разным группам национальностей (%)

непосредственно армейских структур и узкой географии потерь российских силовиков (в том числе представителей МО). В этом трансформационном процессе выделяются три системных этапа, которые можно условно обозначить как общероссийский (1999–2000/2001), южнороссийский (2001–2005/06), северо-кавказский (с 2006/2007), которые обнаруживаются в пространственной широте армейских потерь, в национальной структуре погибших военнослужащих и удельном весе представителей МО в общих потерях силовиков на Северном Кавказе (табл. 6).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Книга памяти: о военнослужащих Вооруженных сил Российской Федерации, погибших в ходе проведения контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона России, август 1999 г. – декабрь 2012 г. М., 2014.
- Максудов С. Чеченцы и русские: победы, поражения, потери. М.: ИГПИ, 2010.
- Матишов Г.Г. и др. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. V. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011.
- Мукомель В.И. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // Социологические исследования. 1999. № 6. С. 66–71.
- Образцов И.В., Пилипонский А.Г., Соловьев С.С. Век российской военной социологии (1897–1997). М.: Военный университет, 1997.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М.: Олма-Пресс, 2001.
- Смирнов А.И. Факторы формирования доверия к российской армии // Социологические исследования. 2012. № 9. С. 100–108.
- Суций С.Я. Представители народов Кавказа в статусных социoproфессиональных сообществах Юга России: тенденции постсоветского периода // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 3–16.

Статья поступила: 12.11.18. Принята к публикации: 04.02.19.

Таблица 6

Эволюция КТО на Северном Кавказе

Годы	Системный формат	Масштаб КТО	Ведомственная структура потерь силовиков	Национальная структура потерь военнослужащих МО	Российская география армейских потерь
1999–2000/01	Общероссийский	Военная кампания (общевойсковая армейская операция)	Исключительно и почти исключительно потери МО	Самое значительное преобладание восточных славян	Почти все регионы Российской Федерации
2000/01–2005/06	Южнороссийский (макрорегиональный)	Комплексная КТО с широким участием армейских подразделений	Преобладание или существенная доля потерь МО при постепенном росте удельного показателя МВД	Преимущественно восточные славяне при повышенной доле потерь представителей народов Северо-Восточного Кавказа	Преимущественно регионы Европейской России
с 2006/2007	Северо-Кавказский (межрегиональный)	Совокупность локальных операций с разовым подключением армейских подразделений	Существенное (и все более возрастающее) преобладание потерь республиканского МВД и внутренних войск МВД РФ	Восточные славяне и представители народов Северо-Восточного Кавказа при нарастающем росте доли последних	Очевидное преобладание регионов Юга России (ЮФО и СКФО) и сопредельных с ним территорий страны

LOSSES OF THE RUSSIAN ARMY DURING COUNTER-TERRORIST OPERATION IN NORTH CAUCASUS (1999–2012): A SOCIO-DEMOGRAPHIC ANALYSIS

SUSHCHIY S.Ya.

FIC Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia

Sergey Ya. SUSHCHIY, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher, FIC Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia (SS7707@mail.ru).

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the grant of the Russian Science Foundation "War and the population of southern Russia in the XVIII – early XXI century: history, demography, anthropology" (project No. 17-18-01411).

Abstract. The article examines the quantitative, spatial, dispersal dynamics, as well as the personnel and national structure of the irretrievable losses the Russian army suffered during counter-terrorism efforts in North Caucasus (from August 1999 till 2012). A complete biographical guide of dead servicemen (more than 3,720 people) was used as an empirical base for the study. The relationship between the scale of army casualties, their Russian geography and their share in the total losses of Russian security officials made it possible to single out three main periods in the evolution of Russian counter-terrorism efforts in North Caucasus: combined armed operation (1999–2000/2001), comprehensive counter-terrorism efforts (2000/2001–2005/2006), series of local CTE (since 2006/2007). Directly in the spatial distribution of army casualties on the territory of Russia, three stages are also clearly recorded – federal, South Russian, and North Caucasian.

Keywords: counterterrorism, army casualties, the North Caucasus, Russian regions.

REFERENCES

- Maksudov S. (2010) *Chechens and Russians: Victories, Defeats, Losses*. Moscow: IGPI. (In Russ.)
- Matishov G.G. et al. (2011) *Atlas of Socio-political Problems, Threats and Risks of the South of Russia*. Vol. V. Rostov-on-Don: YUNTS RAN. (In Russ.)
- Memory Book: about the Servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation Who Died During Counterterrorism Operations in the North Caucasus Region of Russia (August 1999 – December 2012)*. (2014) Moscow. (In Russ.)
- Mukomel V.I. (1999) Demographic Consequences of Ethnic and Regional Conflicts in the CIS. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 66–71. (In Russ.)
- Obraztsov I.V., Piliponsky A.G., Soloviev S.S. (1997) *Century of Russian Military Sociology (1897–1997)*. Moscow: Voennyi universitet. (In Russ.)
- Russia and the USSR in the Wars of the 20th Century. The Loss of the Armed Forces*. (2001) Moscow: Olma-Press. (In Russ.)
- Smirnov A.I. (2009) Factors of Confidence in the Russian Army. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 100–108. (In Russ.)
- Sushchy S.Ya. (2017) Representatives of the People of the Caucasus in the Status-occupational Socio-professional Communities of the South of Russia: Trends in the Post-Soviet Period. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 3–16. (In Russ.)

Received: 12.11.18. Accepted: 04.02.19.